

Н.В. Кривцов

РУССКАЯ ИНДИЯ

Русские за границей

Никита Кривцов

Русская Финляндия

«ВЕЧЕ»

2009

ББК 63.3(0)

Кривцов Н. В.

Русская Финляндия / Н. В. Кривцов — «ВЕЧЕ»,
2009 — (Русские за границей)

ISBN 978-5-4444-8280-3

Где и когда начинаются связи между Россией и Финляндией? – Они были всегда. В этой стране повсюду чувствуется «русское присутствие». Почему? Все дело в том, что связанные с нашим общим прошлым памятники в Финляндии сохранили сам дух, атмосферу, кажется, даже запах минувшего – того, что, увы, исчезло у нас и что нельзя воссоздать самой богатой и изощренной реставрацией. Многие из того русского, что создавалось в России и что было уничтожено у нас, осталось в Стране тысячи озер – живы памятники, даже некоторые русские традиции... И самое главное – имена. Среди них – художник Илья Репин и писатель Леонид Андреев, фрейлина последней императрицы Анна Танеева-Вырубова и Аврора Карамзина, художник Николай Рерих и поэты Серебряного века – Владимир Соловьев, Валерий Брюсов, Иннокентий Анненский и Осип Мандельштам и многие-многие другие.

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-4444-8280-3

© Кривцов Н. В., 2009

© ВЕЧЕ, 2009

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Никита Кривцов

Русская Финляндия

© Кривцов Н.В., 2009

© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

* * *

Предисловие

Путешествие на поезде из России в Финляндию отличается от поездок в другие европейские страны. Поезд не стоит подолгу на границе: колея у нас с финнами одинаковая, не такая, как во всей Европе.

Но это только начало путешествия. Здесь часто, если не постоянно, натыкаешься на приметы чего-то родного, русского. То увидишь луковку православного храма, то на вывеске прочтешь русское имя, то в старом кафе заметишь старый тульский самовар...

Но что ж тому удивляться – Финляндия более ста лет была частью Российской империи... Эта книга о том, что у нас принято называть «Русской Финляндией».

Но что это такое «Русская Финляндия»? Когда мы говорим «Русский Париж» или «Русская Ницца», – все достаточно просто и понятно: речь пойдет о представителях нашей аристократии, мира литературы и искусства, бывавших, живших там, и, конечно, об эмиграции после 1917 года.

С Финляндией все сложнее. И не только потому, что она в отличие от той же Франции входила в течение века в состав России, она просто ближе, и общение между народами, взаимное проникновение культур и связи возникли очень давно.

А рядом мы были всегда, и порой трудно, невозможно сказать, где проходит между нами граница – не географическая и не политическая на карте, а та, которая делит историю, культуру, духовный мир и судьбы людей – настолько здесь все срослось и переплелось.

Для русских Финляндия всегда казалась немного «своей». И не только в те годы, когда она принадлежала России. Ведь даже много позже, после Второй мировой войны, благодаря политике «добрососедства» (термин, выдуманный в Советском Союзе в противовес западной «финляндизации») была самой близкой из всех капиталистических стран.

Одна моя знакомая из Питера на вопрос «Сколько раз была в Финляндии?», пожав плечами, ответила: «Раз пятьсот, может, больше». Конечно, она преувеличивала, хотя многие жители города на Неве и окрестностей наносят регулярные визиты в супермаркеты ближайших городов Суоми или отправляются на уикенд на отдых в коттеджи по берегам финских озер.

А ведь всего сто лет назад Финляндия действительно начиналась прямо на окраине Петербурга. Граница проходила тогда по реке Сестре, теперь она – за Выборгом, а в середине XVIII века – по озерному краю Саймы, еще восточнее.

И тут возникает вопрос – что считать Финляндией? Страну только в ее нынешних границах? Но ведь и Карельский перешеек, и западное, и северное Приладожье тоже когда-то и еще совсем недавно были Финляндией, ведь еще сто лет назад дачники, отправлявшиеся в сегодняшние Комарово, Рошино или Зеленогорск, что под Петербургом, ехали в Финляндию.

Уголок Финляндии. Худ. Альбер (Альберт) Бенуа

После Северной войны, а затем войны 1741—1742 годов, по Ништадскому и Абосскому мирным договорам часть Финляндии отошла России. Позже, когда в 1809-м вся территория Финляндии вошла в состав Российской Империи в качестве Великого Княжества, эти районы «Старой Финляндии» были включены в его состав.

И, говоря о связях, которым много веков, какую из всех этих границ считать за рубеж между странами?

И где, и когда начинаются эти связи?

Весь, меря, карела, ижора, воль – это все финские племена, которые влились в состав русского этноса... На то, что северная часть Центральной России была заселена именно финскими племенами, до сих пор указывают многочисленные топонимы.

Самый близкий финнам народ – карелы – живет и в Республике Карелия, и в Тверской области, куда в XVII—XVIII веках пришли переселенцы из районов Приладожья. В современной Финляндии тоже существует регион Карелия, и карелы, сегодня отличающиеся от финнов в основном лишь тем, что исповедуют православие, представляют собой в стране Суоми самостоятельное, правда, в основном этнокультурное меньшинство. Карелы, некогда союзники Новгорода, влились в состав финской нации наряду с племенами хяме (емь, или ямь) и суоми (сумь). Так что предками современных финнов и значительной части населения российского Северо-Запада были одни и те же племена.

Помню свой разговор, имевший место несколько лет тому назад с тогдашней главой московского офиса Центра по развитию туризма Финляндии (МЕК) Пиркко Перхеентупа.

Незадолго до этого мы случайно встретились с ней на вечере в финском посольстве в Москве, посвященной тверским карелам, и она, объясняя мне свой интерес к этой теме, сказала, что ее корни с Карельского перешейка и Приладожья, из тех самых мест, откуда карелы и переселялись на тверские земли.

«А знаете, тут звонит мне мой дядя из Финляндии – он ушел на пенсию и решил на отдыхе заняться поиском наших предков, откуда пошел наш род, – рассказывает Пиркко. – Так вот, звонит он недавно и говорит: “Хочешь увидеть своего прапрапрапра – много “пра” –

деда? Пойди в храм Василия Блаженного, и там висит икона Александра Невского, а с ним его соратник Пелгусий. Вот он и есть наш предок!».

Фамилия дяди и моя девичья – Пелконен, – рассказывает дальше Пиркко. – Вот он, занимаясь поисками в архивах, и вывел ее от сподвижника вашего великого князя, героя и святого Александра Невского. Ну, я, конечно, рассмеялась: как такое может быть!?»

Самое удивительное, что может!

Пелгусий, или Пелгуй, – имя действительно встречающееся в древнерусских текстах. В XIII веке в районе Невы, по обоим берегам Финского залива, располагалась «морская сторожа» ижорян, финского племени – предков ингерманландцев, несшая охрану путей к Новгороду с моря. Ижоряне уже приняли православие и являлись союзниками Новгорода. Однажды на рассвете июльского дня 1240 года старейшина Ижорской земли Пелгусий, находясь в дозоре, обнаружил шведскую флотилию и спешно послал доложить обо всем Александру. Он крестился в свое время и принял имя Филипп, однако летописи упорно называли его прежним, языческим, именем.

Получив известие о появлении неприятеля, новгородский князь Александр Ярославович решил внезапно атаковать его. Произошедшее сражение и вошло в историю как Невская битва, после которой князь и стал именоваться Александром Невским.

Все авторитетные историки считают, что Пелгусий – лицо, безусловно, достоверное. А его имя скорее всего это искаженное Пелкунен, или Пелконен (соответственно падежная форма Пелкусен, или Пелкосен).

Примечательно, что финские источники говорят о том, что в Инкеримаа (Ингерманландии), Приладожье, на Вуоксе в XIII веке жил род Пелконен, и современные обладатели этой фамилии имеют корни именно из этих мест, а значит, являются дальними потомками Филиппа-Пелгусия!

Если это так – а скорее всего это действительно так – русско-финские связи насчитывают много столетий, и, главное, провести грань, границу между тем, что в долгое время считавшихся «пограничными» областями называть «русским», а что «финским», практически невозможно.

Хочу напомнить слова прекрасного русского писателя Ивана Шмелева, сказанные про отношение финнов к Валааму: «Валаам чужим им не был: такой же, как и они, суровый, молчаливый, стойкий, крепкий, трудовой, крестьянский».

И действительно – драгоценную святыню Валаам воспринимают не только у нас, в России, но и в Финляндии.

Я не случайно вспомнил этот монастырский остров на Ладоге, его имя не раз прозвучит в этой книге. В отношении к нему выкристаллизовываются отношения двух стран и народов, в этом монастыре переплетаются судьбы культуры и судьбы людей.

Приезжая в Финляндию, почти всюду встречаешь следы России.

Еще в XIX веке в финском языке появились такие слова, как каракка (от русского слова кабак), тугта – тюрьма, rutka – будка (правда, это слово переводится с финского как тюрьма), kanava (канал), vodka – водка, remontti – ремонт и, наконец, mesta – место (это слово используется в разговорном финском языке).

Русское влияние можно обнаружить даже в сфере кулинарии. В Финляндии икру, например, подают с рубленным луком и сметаной. Многие финны уверяли меня, что это – традиционный русский рецепт, принесенный сюда в позапрошлом веке. И, как оказывается, забытый теперь в России, но сохранившийся в Финляндии.

Считается, что пара старых ресторанов в Хельсинки – едва ли не единственные места, где до сих пор можно отведать блюда настоящей русской кухни, такой, какая она была до 1917 года.

Известный финский историк Матти Клинге, занимающийся темой «Русские в Финляндии», отметил, что культурная жизнь в его стране стала более разнообразной благодаря вли-

янию Санкт-Петербурга. В XIX веке Санкт-Петербург впитывал в себя все новое, приходящее из Европы, публика внимательно следила за новинками моды и не пропускала балетных и театральных премьер. Путем диффузии новые привычки общества перенимались сначала из Европы в Санкт-Петербург, а оттуда распространялись по другим городам, а также по Финляндии. Таким образом, и в Финляндии публика стала собираться на показы балета, появилась возможность ознакомиться с западным искусством. На обеденных столах появились до тех пор не известные в кулинарии чай и шоколад, а в финских кабаках стали распивать немецкое пиво.

Православное кладбище Хиетаниеми в Хельсинки. Из 11 тысяч могил 80 процентов принадлежат русским

Не только архитектура православных церквей перешла из России на финскую землю, но и строительством городских сооружений занимались специалисты, прибывшие из России. Достаточно вспомнить комплекс в столице Финляндии на Сенатской площади. Немецкий архитектор Карл Людвиг Энгель приехал в Россию в 1815 году, где он успел проработать, прежде чем получил задание перестроить Хельсинки. Сенатская площадь, построенная в стиле ампир, напоминает архитектуру зданий, возведенных в те времена в Санкт-Петербурге.

В Финляндии пьют пиво марки «Синебрюхов», известной, правда, по усеченной для удобства произношения форме «Кофф». В городе Савонлинна можно полазать по крутым каменным лестницам замка, один из бастионов которого до сих пор зовется «Суворовским»: будущий генералиссимус, а тогда генерал, укреплял там рубежи России. В местной топонимике финских городов можно услышать такие названия, как Сибирь, Амур и Порт-Артур...

В Финляндии, в былые годы, снимались голливудские фильмы, в которых действие разворачивалось в России или Советском Союзе, – идеальнее натуру найти было невозможно. Сюда западные советологи ездили изучать нашу страну – по прекрасным собраниям литературы, по внешнему сходству природы и даже географической близости. Даже сейчас в Финляндии есть аттракцион для туристов – «Российская граница», а лежащие у нашей границы города Лаппеэнранта и Имаatra называют «воротами на Восток».

Но, конечно же, «русское присутствие» в Финляндии – это прежде всего люди. Но, говоря о русских в Финляндии, надо помнить, что речь идет не только и даже не столько об эмиграции. В Финляндии с давних времен было русское население. Причем значительная его часть, особенно из среды купечества, достаточно быстро натурализовалась.

В 1724 году, то есть когда Финляндия еще была частью Шведского королевства, в Гельсингфорсе проживало всего 13 русских. После вхождения Финляндии в 1809 году в состав Российской империи и образования Великого Княжества Финляндского, сюда потянулся русский торговый люд, ремесленники, обосновавшиеся рядом с военными гарнизонами, а также крепостные из Ярославской, Тульской и Орловской губерний, привезенные на пожалованные земли. Потомки этих крестьян жили на Карельском перешейке в поселках Красное Село (Кююреля) и Райвола, сохраняя свой быт, культуру и язык, вплоть до «Зимней» войны. Наступление Красной армии вынудило их отправиться в сторону Хельсинки.

Русское купечество в Финляндии было весьма влиятельно и дало несколько весьма знаменитых фигур. Достаточно называть имена Синебрюхова в Хельсинки и Ситкова – на Аландских островах.

Мелкие торговцы, занимавшиеся поставкой продовольствия для армии, становились в старой Финляндии солидными купцами, предпринимателями, заводчиками. С появлением российских гарнизонов в пределах Великого княжества Финляндского подобное явление распространилось и на основную часть Финляндии. Кроме Синебрюховых, заметное место в экономической жизни автономии занимал родившийся в местечке Хамина (территория современной Финляндии) бывший крепостной Шереметьевых Егор Ушаков. Основав в 1814 году вблизи столицы кафельно-кирпичный завод, он поставлял стройматериалы в город. Состоятельный предприниматель, имевший дома в центре Гельсингфорса, Ушаков владел шведским языком, выучил даже финский, что для людей его круга было крайней редкостью. Официальным языком Финляндии являлся шведский, и даже автор гимна Финляндии Юхан Рунеберг, писатель и сторонник финского национального пробуждения, не знал языка простого народа. В 1822 году Егор Ушаков получил чин коммерции советника, его вместе с Федором Киселевым, не менее известным предпринимателем, избрали в число городских старшин Гельсингфорса. Позже в городское собрание столицы вошли влиятельные коммерсанты русского происхождения Егор Батулин и Николай Вавулин.

Вот что писал историк Д. Протопопов в конце XIX века: «Русские занимаются в Финляндии главным образом торговлей, особенно мелочной... кроме того, они хозяева промышленных заведений, огородники, ремесленники... пользуются здесь репутацией трудолюбивых и бережливых людей, хорошо обделывающих свои дела». По словам того же автора, «недавно еще русские, особенно более зажиточные и образованные, проживающие в западной части страны, довольно быстро ошведивались и офинивались... в Гельсингфорсе у них остались только фамилии Киселевых, Синебрюховых, Королевых, Сидоровых, по-русски они не понимают. Большинство русских довольны здешними порядками». «Здесь все по закону, все правильно», – говорил Протопопову тверской мужик, исколесивший всю эту землю.

В Финляндии. Худ. Альбер (Альберт) Бенуа

В самом начале XX века в Финляндии при переписи населения было зарегистрировано 5939 граждан автономии, считавших русский язык родным. От всех постоянных жителей ее эта цифра составляла 0,22%. В действительности выходцев из России было больше. Ведь к тому времени потомки таких известных фамилий, как Sinebrychoff, Kisileff, Kavaleff, Koroleff, Wavulin, окончательно влились в местное общество и восприняли шведский язык в качестве родного. С другой стороны, в данные статистики не вошли проживавшие в Финляндии русские, не имевшие финляндского гражданства. В основном это были военнослужащие и члены их семей, православные священнослужители, а также чиновники канцелярии генерал-губернатора, число которых несколько увеличилось в первое десятилетие XX века. В 1910 году в семи крупнейших городах автономии проживало 12 тысяч подданных России.

К моменту провозглашения Финляндией независимости на ее территории оказались три категории русских: постоянные жители страны (часть из них имела финляндское гражданство), военные (весной 1918 года их было примерно 40 тысяч, к концу года осталось незначительное число отставников) и небольшая часть дачников Карельского перешейка, укrywшихся там от революционной анархии. Среди них – художник Илья Репин и писатель Леонид Андреев. Перед Первой мировой войной в собственности петербуржцев и других жителей империи числилось на перешейке 775 поместий и 10 тысяч дач.

В то же самое время, еще с XVIII века, множество уроженцев Финляндии, пусть в основном и шведов по происхождению, связали себя с Россией и служили на ее благо.

Достаточно вспомнить лишь несколько имен. Например, создатель Никитского ботанического сада в Крыму Христиан Христианович Стевен (1781—1863 гг.), родившийся в Фридрихсгаме (ныне Хамине) Выборгской губернии, – известный ботаник, доктор медицины, садовод и энтомолог.

Или Кнут Адольф Шернвалл (1819—1899 гг.), или Шернваль (запомним эту фамилию, она не раз будет фигурировать в моем повествовании) – известный строитель железных дорог. Окончив Финский кадетский корпус в Хамине и поступивший в Инженерный институт в Петербурге, он проявил себя незаурядным инженером-строителем на строительстве железной дороги Петербург—Москва. Когда он вернулся к себе на родину, он принял самое активное

участие в проекте железной дороги между Петербургом и Хельсинки. И именно он в интересах развития финской торговли поддержал идею строительства железной дороги с широкой колеёй. Так что мы ему сегодня обязаны тем, что поезда из Москвы и Петербурга, идущие в Финляндию, не должны подолгу стоять на границе. Шернвалл в 1867 году был назначен главным инженером строящейся дороги, движение из Питера в Хельсинки было открыто в 1870 году и дало толчок быстрому росту финляндской экономики. Затем Шернвалл занимал в Петербурге должности начальника Российского управления железных дорог и Главного инспектора всех российских железных дорог. В 1888 году Шернвалл был вместе с царской семьёй во время известной железнодорожной катастрофы в Борках, где был серьёзно ранен.

А кто не знает прекрасный парк Монрепо на окраине Выборга? Его создал барон Павел Николаи. В России во времена советского лихолетья его имя было предано забвению, и даже его могила на маленьком островке в Монрепо была осквернена. Однако в период расцвета России имперской семья баронов Николаи, принадлежавшая к избранному кругу российской аристократии, была широко известна и в России, и в Европе. Павел Николаи, чьи предки верой и правдой служили русским императорам со времен Павла I, выбрал необычный путь: он стремился посвятить себя христианскому служению ближним, много путешествуя, начал – едва ли не первым в нашей стране – помогать заключённым в тюрьмах, охватив своей деятельностью всю Сибирь. Деятельность Николаи не знала никаких границ: ни классовых, ни расовых, ни географических, ни религиозных.

Рассказывают, что последний из рода баронов Николаи в 1918 году увидел в Монрепо толпу революционеров. Один солдат загородил им дорогу, сказав: «Я не дам тронуть его, это ангел, не человек. Он спас мою семью от голода». И толпа удалилась!

В начале прошлого века безземельные финны, откликнувшиеся на «призыв» столыпинской реформы, осваивали Дальний Восток, участвовали в строительстве Транссиба.

Именно финны первыми стали исследовать наших тверских карел – ещё со второй половины XIX века и до наших дней: чуть ли не регулярно в Бежецкий и Весьегонский уезды приезжали финские собиратели фольклора, лингвисты, этнографы.

Да, есть масса уроженцев Финляндии, которые стали знамениты именно в России, прославились своими делами в Москве, Петербурге и вообще на бескрайних просторах нашей страны.

«Финский Петербург», которому были посвящены целые исследования, это отдельная и любопытнейшая тема – финские молочницы, купцы, ювелиры, работавшие в том числе и у Фаберже, капитаны и команды пароходов, возивших паломников из Петербурга на Валаам и Коневец...

Может возникнуть вопрос: а какое отношение они имеют к теме «Русская Финляндия»?

А все дело в том, что Хельсинки, тогдашний Гельсингфорс, и Петербург соединялись тысячами нитей. Многие жители Хельсинки, в том числе и из числа предпринимателей и деятелей культуры, работали в Петербурге, были связаны с Россией и, возвращаясь в Финляндию, были уже «отчасти русскими». И границу провести очень сложно.

Возьмем для примера прекрасно всем знакомую – и в Финляндии, и в России – кондитерскую фирму «Фацер», которая была основана в 1891 году Карлом Фацером, сыном швейцарца, переселившегося в Финляндию. В 18 лет он отправился в Петербург, Берлин и Париж с мечтой стать кондитером. Петербург был идеальным местом для того, чтобы начать дело – русский шоколад имел хорошую репутацию и доминировал на рынке. В Петербурге Карл встретил знаменитых шоколадных дел мастеров. Обучившись рецептам, Карл открыл в 1891 году в Хельсинки свою «русско-французскую кондитерскую», а в 1894 году зарегистрировал свою марку «Karl Fazer». Его конфеты, пирожные, торты, мороженое имели огромный успех, заказы приходили от самых влиятельных людей не только из Финляндии, но и всей Скандина-

вии... Швейцарец, он стал гордостью Финляндии. Но привез свое мастерство из России, которая также стала рынком сбыта его продукции.

Примечательна, хотя и гораздо менее известна, деятельность брата Карла, Эдварда, который был антрепренером. Именно Эдвард был импресарио Мариинского балета и организовал гастроль «Мариинки» в Европе в 1908—1910 годах, то есть уже за год до Дягилева. Его заслуга состоит в том, что он первым вывез именно труппу – до него за границей выступали только отдельные артисты, Дягилев же эту идею успешно подхватил. Финская исследовательница Йоханна Лаакконен даже посвятила свою кандидатскую диссертацию этой теме: «Эдвард Фацер и Императорский русский балет».

То же самое можно сказать и о финских ювелирах, работавших на фирму Фаберже. Тем более что, после того как наследник «империи Фаберже» Агафон перебрался в Хельсинки, их связи не прекратились. Одним из этих мастеров была, например, Альма Пиль (1888—1976 гг.), которая работала, как и многие другие финские ювелиры, у Фаберже в Петербурге. Ее имя в России сегодня обычно вспоминают в связи с последней распродажей из Оружейной палаты в 1933 году, когда ушло великолепное мозаичное яйцо ее работы, в котором драгоценные камни имитировали вышивку по канве крестиком и которое ныне принадлежит английской королеве Елизавете II.

Я задаю себе вопрос: а если бы не революция 1917 года и не последовавшая за ней независимость Финляндии, разве мы бы говорили, что братья Фацеры или Пиль были «не русскими»?

А вот другие примеры, другие имена.

Карл Густав Маннергейм был офицером Русской армии, воевал за Россию на фронтах Русско-японской и Первой мировой войны, а стал финским маршалом и президентом Финляндии. Или Аврора Шернваль – финская шведка, но известная сегодня в Финляндии под фамилией своего мужа как Кармазина.

В поселке Рошино на Карельском перешейке, в бывшей финской Райволе, на берегу озера можно увидеть небольшую каменную стелу: на ней – стихи на шведском языке, имя Edith Sodergran и даты жизни – 1892—1923.

Кто у нас знает это имя – Эдит Седергран? А она ведь выросла в Петербурге. И, хотя и не получила признания при жизни, теперь считается одной из лучших поэтесс Финляндии, а ее имя называют среди величайших поэтов-модернистов Скандинавии. Стихи Эдит, отличающиеся свежестью и особой образностью, переведены на языки разных стран мира, ее творчество вдохновило многих поэтов.

Но есть и русские имена, которые прекрасно известны в Финляндии, но забыты или просто не известны у нас.

Ну, допустим, что кому-то у нас говорит имя князя Михаила Долгорукова? А в Финляндии ему стоит памятник.

Или вот поэт, прозаик и журналист Иван Савин (1899—1927 гг.), имя и творчество которого стали известны в России лишь в начале 1990-х годов. Иван Савин (Саволайнен) родился в Одессе, но все детство и юность провел в Полтавской губернии. Дед Ивана Савина – Йохан Саволайнен, финский моряк, встретил в Елисоветграде русскую гречанку, женился на ней, остался жить в России. От этого брака родился отец поэта, Иван Иванович-старший.

Вся семья Саволайнена (они писали свою фамилию на русский манер – Саволаины) была сметена ураганом революционных событий и Гражданской войны. Два старших брата, Михайловские артиллеристы, были расстреляны в Крыму. Иван Савин попал в плен в Джанкое...

Когда с помощью своего солдата-улана Савину удалось добраться в 1921 году до Петрограда, где встретился с отцом, ему пришлось провести холодную и голодную зиму.

Савина с отцом отпустили, так как у них были в порядке финские бумаги, и они приехали в Хельсинки, где отец работал на сахарном заводе, а Иван Савин устроился на том же заводе сколачивать ящики... После плена и голода даже такая жизнь казалась просто сказочной.

Иван Савин начал печататься в местной газете «Русские вести». Писал и в газеты «Сегодня» (Рига), «Руль» (Берлин), «Новое время» (Белград), «Возрождение», «Иллюстрированная Россия» (Париж) и сразу же в свои 24 года завоевывает любовь и уважение все русской колонии. Кроме того, он вел кружок русской молодежи в Хельсинки. Стал по праву одним из известнейших поэтов Белого дела. За эти оставшиеся несколько лет жизни Иван Савин успел рассказать о пережитом. Он привлек внимание к запискам Мальсагова, побывавшего в Соловецком лагере. На Валааме встречался и беседовал с Анной Вырубовой. Иван Савин рассказал о жизни в Крыму, дошедшей до «раскаленного ужаса». Художник Захаров в 1926 году представил Савина и его жену Людмилу И.Е. Репину. Илья Ефимович сокрушался, что не успел написать портрет Ивана.

Иван Савин

Савин продолжал любить Россию, верить, надеяться на ее возрождение. За пять лет жизни в эмиграции им было опубликовано только в газетах Гельсингфорса более сотни статей, очерков, рассказов и стихотворений. За год до смерти вышел его единственный прижизненный сборник стихов «Ладонка», изданный в Белграде Главным правлением Галлиполийского общества. Представляя читателям поэта, автор предисловия к сборнику В. Даватц написал: «В Крыму он потерял свою свободу; в Финляндии – нашел ее снова. Свободу без родины...»

Высокую оценку его стихам дал Иван Бунин: «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе...»

Умер поэт в Хельсинки 12 июля 1927 года и похоронен на хельсинкском кладбище Хиетаниemi. На его могильном памятнике высечена надпись: «Иван Иванович Саволаин», а под ней – «поэт Иван Савин».

Кто он, Иван Савин – финн или русский? И разве это имеет значение? Он был финном по паспорту, частично по крови, но был русским патриотом и вообще человеком чисто русским, готовым отдать жизнь за Россию.

Послереволюционная русская эмиграция – это целая отдельная тема. В Финляндию бежали из Петербурга – было близко. Бежали по суше, по морю, по льду...

Многих революция застала на дачах на Карельском перешейке – они задержались там до лучших, более спокойных времен, но, так и не дождавшись их, остались в Финляндии навсегда.

Решили не возвращаться в столицу и те, кто просто жил и работал на территории Великого Княжества. Находилось здесь и множество русских военных – к 1917 году их было расквартировано 125 тысяч. После революции большинство из них вернулись на родину, но часть офицеров осталась в Финляндии, чтобы присоединиться к эмигрантам, хлынувшим из Питера. Осенью 1918 года беженцев, перешедших финскую границу, было уже около трех тысяч, а к концу 1919 года – пять тысяч. После Кронштадтского мятежа 1921 года число русских в Финляндии увеличилось еще на восемь тысяч. В результате «первой волны» эмиграции русское население в стране достигло к 1922 году 35 тысяч человек.

Многие эмигранты, прибывшие в Финляндию, держали путь дальше – в Берлин, Прагу и Париж.

Будучи меньшинством в автономном Великом Княжестве Финляндском, русские в то же время были представителями большинства Российской империи. В стране же, обретшей независимость, многие утратили прежний социальный статус. Бывшие офицеры становились рабочими. Конфетную фабрику «Фацер» называли в Гельсингфорсе «русской академией». Трудились русские и на колбасной фабрике «Маршан», на Кабельном заводе, в доке «Вяртсиля». Имевшие склонность к живописи разрисовывали фарфор и керамику на фабрике «Арабия». На Карельском перешейке и в Приладожской Карелии, где жила добрая половина всех русских, работой обеспечивал предприниматель Ф.И. Сергеев, владевший табачной фабрикой, пивоваренным и мыловаренным заводами. Известны были как русские предприятия лесопромышленный завод Жаворонковых в Суоярви, картонная фабрика Зориных в Райвола и Терийоки, конфетные фабрики Кулаковых и Васильевых.

Примечательна судьба коммерции советника Ф.И. Сергеева, переселившегося в 1854 году подростком из Ярославской губернии в Выборг, – он был известен своим меценатством и благотворительной деятельностью. В первые годы независимости Финляндии Выборгский Русский реальный лицей и местная народная школа существовали главным образом на его пожертвования, полмиллиона марок выделил он и в фонд основания высшей школы в Выборге. Православная церковь получила 205 тысяч финских марок на сооружение храма на Ристамякском приходском кладбище. Не оставались без поддержки спортивные общества, любители драматического искусства и просто попавшие в беду люди. После «Зимней» войны заметная

часть из наследства Ф.И. Сергеева перешла по дарственному завещанию его старшего сына Хельсинкской высшей коммерческой школе.

Глава Русской канцелярии в Хельсинки, бывший офицер Генерального штаба С.Э. Виттенберг в своих дневниках оставил достаточно подробные воспоминания о жизни русской колонии в Финляндии в первый год финляндской независимости.

Большую популярность среди русских имел бывший комендант Свеаборгской крепости полковник К.Е. Кованько, ставший центральной фигурой среди русского населения в Финляндии. Авторитетом пользовался и В.В. Белевич, директор Александровской мужской гимназии. Любопытна и судьба Константина Арабажина, который волею случая в первые годы финляндской независимости стал одной из ведущих фигур среди русской диаспоры в Финляндии.

Константин Иванович родился в 1866 году в Каневе на Украине и по отцу приходился близким родственником известному украинскому историку В.Б. Антоновичу, а по матери – Марианне Бугаевой – был двоюродным братом русского писателя Андрея Белого (Бугаева). В 1891 году он переехал в Петербург, где преподавал русский язык и литературу, активно участвовал в общественной жизни, был учредителем Общества народных университетов, заявил о себе как публицист, редактор и театральный критик.

Остатки былого. Сумерки. Финляндия. Худ. Исаак Левитан

Финляндский период в жизни Арабажина начался в 1913 году, когда он по конкурсу занял освободившееся место профессора русского языка и словесности Гельсингфорского университета. Окончательно он переехал туда лишь в конце 1917 года, после провозглашения независимости Финляндии. Обосновавшись в Хельсинки, Арабажин активно включился в местную общественную жизнь, состоял членом или председателем советов ряда местных русских учебных заведений. Он издавал ряд русскоязычных газет – «Голос русской колонии», «Русский голос», «Русский листок», «Русская жизнь». При этом Арабажин ставил цель объединить все слои русского населения в Финляндии, не вмешиваясь во внутренние финские дела и способствовать сближению финнов и русских. Не случайно именно он в 1918 году был избран одним из четырех представителей русского населения для связи с финскими властями.

С «Русской жизнью» сотрудничали, например, Е.А. Ляцкий, Н.В. Дризен, Н.К. Рерих, Г.П. Струве...

Правда, русское общество в Финляндии было очень разнородным и его раздробленность и раскол преодолеть было невозможно. Например, «Русская жизнь», вопреки желаниям Арабажина, фактически стала органом Политического совещания при генерале Юдениче. Начавшаяся внутри русских организаций борьба за лидерство стала перерастать в откровенные раздоры и интриги.

Между тем самого Арабажина финские власти стали считать «подозрительным» и «политически неблагонадежным лицом» за якобы имевшиеся у него контакты с Советской Россией. Имелось в виду санкционированное самими властями его участие в переговорах с представителями большевиков летом 1918 года об обмене русских военнопленных в Финляндии на арестованных в России финляндских граждан.

В ноябре 1919 года Арабажин стал главным редактором новой газеты «Рассвет», издание которой продолжалось до середины февраля 1920 года. Летом 1920 года Арабажин уехал сначала в Таллин, а потом в Ригу, где и продолжал свою деятельность до самой смерти в 1929 году.

Надо отметить, что во многом по инициативе Арабажина в Хельсинки было создано Общество «Русская колония в Финляндии», в котором он стал председателем правления.

Если Особый комитет по делам русских в Финляндии был в основном своего рода консульской службой, то «Русская колония в Финляндии» – общественной организацией, ставившей целью создание «очага русской культуры вне родины». Поток беженцев определил приоритетное направление работы «Русской колонии» в начальный период: оказание неотложной помощи прибывающим. Организованный при обществе Комитет по заготовке белья обеспечивал одеждой неимущих русских. Несмотря на сложность материального положения, не были оставлены без внимания духовные потребности беженского сообщества. Уже в январе 1920 года «Русская колония» основала в Гельсингфорсе свою библиотеку, занималось общество и организацией благотворительных концертов и лекций. Благо Финляндия приютила тогда немало талантов. К примеру, историю балета и вокального искусства страны трудно представить без таких имен, как А. Сакселин, М. Пайшева, Д. Арбенин, Г. Ге, Л. Нифонтова, Н. Бегичев, А. Каменский, Е. Никитина. Репертуар известного ценителям музыки Гельсингфорского Великорусского оркестра, руководимого А. Губертом, включал произведения Чайковского, Сибелиуса, Шуберта, Верди, Бородина, Ярнефельта... Привлекали публику и выступления Гельсингфорского русского хора под управлением И.В. Стратова. Бывший петербуржец Г. Годзинский, с успехом выступавший в русских залах Гельсингфорса и Выборга, стал в Финляндии известным музыкантом и любимым композитором. Кстати, уже в 1928 году русские эмигранты основали в Финляндии свой театр. Заметную роль в жизни объединения играли бывшие офицеры, непримиримые, как правило, к большевизму.

В мае 1925 года в газете «Новые русские вести», которую издавал и редактировал член правления «Русской колонии» Валериан Воутилайнен, появилась статья Ивана Савина – страстный призыв вступить в общество «Русская колония в Финляндии». «В настоящее время, – писал поэт, – общество «Русская колония» является собирательным началом всего русского в Финляндии, своего рода национально-бытовой надстройкой над организациями и обществами, входящими в нее в качестве автономных единиц, что предусмотрено утвержденным властями уставом общества...» Задачу автор статьи видел в том, чтобы «создать очаг русской культуры вне родины в годы, когда сожжены дотла наши очаги там, в России».

Кроме вышеназванных, в Гельсингфорсе выходили и другие многочисленные, но, как правило, недолговечные издания на русском языке.

В 1933 году начал выходить литературно-общественный ежемесячник «Журнал Содружества». В отличие от 1920-х годов, когда в Гельсингфорсе издавались, сменяя друг друга, главным образом ежедневные газеты, в 1930-е, после долгого «безголосного» существования

(если не считать чисто церковных изданий), русская культурно-общественная жизнь отражается на страницах журнала, а центр печатного слова перемещается в Выборг. Представляя читателям издание, редакция подчеркивала, что «Журнал Содружества» – «вне всякой политики группирует вокруг себя русских людей, не желающих забыть родной язык и родную русскую культуру, забыть, что они русские».

Основателем нового журнала стало Содружество бывших учащихся Выборгского Русского реального лицея. Уже со второго номера ответственным редактором его значится получивший образование во Франции инженер-механик Ф.В. Уперов, а затем его брат, Игорь Уперов, становится во главе журнала. Эта фамилия была известна в Выборге. Их отца полковника В.В. Уперова, зятя коммерции советника Ф.И. Сергеева, знали как одного из самых активных и уважаемых общественных деятелей. Ему и принадлежала мысль о создании подобного печатного органа. Этот журнал, помимо Финляндии, читают в Эстонии, Латвии, Швеции, Чехословакии, Бельгии, Франции, Швейцарии, США и даже в Конго и Южной Африке. Говоря о послереволюционной русской эмиграции в Финляндии, нельзя не сказать отдельно об Анне Танеевой-Вырубовой. Ее имя окружено множеством слухов, сплетен и легенд. При этом одни рисуют ее авантюристкой, другие считают святой.

АннаТанеева-Вырубова

Но именно Финляндия, где она прожила много лет, до самой своей смерти в 1964 году, хранит ее архивы и воспоминания знавших ее людей, которые показывают Анну Танееву-Вырубову не как преступницу, а как жертву, заложницу ее любви и преданности к семье последнего императора России. В 1987 году издательством «Отава» под редакцией Ирмели Вехерьююри была выпущена на финском языке книга «Анна Вырубова, фрейлина царицы». В книге около 200 фотографий из архива редактора. Две главы написаны иеромонахом Нововалаамского монастыря Арсением на основании подлинных документов. Содержание книги не оставляет сомнений в том, что сложившийся среди русских (как в России, так и в Финляндии) негативный образ Анны Танеевой-Вырубовой не имеет ничего общего с реальностью.

Несколько лет назад по финскому телевидению в серии документальных программ был показан и фильм об Анне Танеевой-Вырубовой. Директор музея «Царское село» Лариса Бар-

довская прямо указывает на советских творцов мифа о Вырубовой – авторов подложных ее мемуаров писателя Алексея Толстого и историка Щёголева, которые то ли из-за страха репрессий, то ли из-за денег взялись выполнить этот заказ «партии и правительства».

Примечательно, что, перебежав в Финляндию, Танеева -Вырубова многократно получала отказ в выдаче финского гражданства по причине отсутствия достаточных средств к существованию и жила здесь очень скромно, почти нищенствовала.

В эмиграции Анна завязала знакомство с Выборгским епископом Александром, с валаамскими монахами, и особенно со схиигуменом Иоанном и схиеромонахом Ефремом, который в свое время был близок ко двору.

Посещение Валаама и духовные беседы со схиеромонахом Ефремом упрочили решение Анны постричься в монахини. Еще будучи в Петрограде, она дала обет Богу, что если они с мамой, избегнув опасности, окажутся в Финляндии, то она пострижется в монахини. Так как она была инвалидом, ее, нетрудоспособную и непривыкшую к тяжелым физическим работам, не могли взять в действующий Линтульский женский монастырь. Отец Ефрем все-таки желал помочь своему духовному чаду в этом ее стремлении и постриг Анну тайно в монахини с именем Мария в Смоленском скиту на Валааме. Такое действие было в то время весьма распространено, особенно среди эмигрантов. «Постриженная в тайную монахиню» не жила в монастыре, но продолжала свою жизнь в миру, исполняя определенное ежедневное молитвенное правило, а также посещая богослужения в приходской церкви. Ей надо было скромно одеваться и избегать светской жизни. Возможно, именно в связи с монашеским постригом Анна с 1930 года жила самоустраненно, не потому что она пренебрегала людьми, а чтобы иметь возможность посвятить свою жизнь молитве.

Примечательно, что маршал Маннергейм летом 1940 года написал для нее следующее письмо: «Свыше тридцати лет знаком с Анной Танеевой, с ее уважаемыми родителями и многими их родственниками; прошу всех тех, кто окажется в общении с госпожой Танеевой, ставшей инвалидом в результате железнодорожной катастрофы, относиться к ней сочувственно и с пониманием».

Но предвоенная эпоха заканчивалась, чувствовалось приближение катастрофы. За год до войны в Финляндии проживало 5819 бывших подданных Российской империи, русских, не имевших финляндского гражданства – на две тысячи меньше, чем за десять лет до того. В 1918— 1940 годах 4330 русских получили финские паспорта. Утрата Выборга, Карельского перешейка и других территорий, повлекшая переселение русских в разные районы Финляндии, ускорила процесс ассимиляции.

После выхода из Второй мировой войны Финляндия была вынуждена пойти на ряд уступок Советскому Союзу, которые, в частности, развязали руки советским спецслужбам на территории страны.

В апреле 1945 года Хельсинки полнился слухами об аресте множества русских эмигрантов и выдаче их советским властям в лице так называемой «Контрольной комиссии». Дошло до того, что президент Финляндии Карл Густав Маннергейм заинтересовался у премьер-министра Ю.К. Паасикиви об их судьбе. Оказалось, что в ночь с 20 на 21 апреля 20 человек из представленного списка 22 человек (двое успели, видимо, покинуть Финляндию) были задержаны и переданы Контрольной комиссии. Ночной операцией и действиями финской полиции руководил подполковник МГБ А. Федоров. В хельсинкском аэропорту, куда задержанных привезли попарно скрепленными наручниками, их ожидал председатель Контрольной комиссии А. Жданов. Никаких допросов не проводилось, через несколько часов арестованные оказались в Лубянской тюрьме.

Могила АнныТанеевой-Вырубовой

Из этой двадцатки десять человек были гражданами Финляндии, у девяти были нансеновские паспорта и только один был гражданином СССР – Александр Калашников, бывший военнопленный, не пожелавший вернуться в Советский Союз после «Зимней войны». В числе финских граждан имелись как урожденные граждане, так и подданные в прошлом Российской империи, получившие гражданство Финляндии.

Черной неблагодарностью отплатили спецслужбы СССР и Степану Петриченко, одному из руководителей Кронштадтского восстания. В 1927 году он был завербован советской военной разведкой. Во время войны Петриченко за враждебную к государству деятельность был, как и многие финские коммунисты, посажен в тюрьму. После подписания перемирия бывший кронштадтский моряк вошел в инициативную группу по образованию Русского культурно-демократического союза, просоветской организации, создание которой одобрила Контрольная комиссия. Несмотря на заслуги перед советской властью, он оказался в числе лиц, «виновных в совершении военных преступлений». Когда в 1947 году в Соликамский лагерь Пермской области, где Степан Петриченко отбывал десятилетний срок, пришло распоряжение этапировать его во Владимирскую тюрьму, в списке живых Петриченко уже не значился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.